

К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ

Новое христианство без Христа

Замечательное явление нашего времени представляет несущееся отовсюду отрицание Церкви со всеми ее догматами и установлениями, соединенное с проповедью христианства без Христа. Никем не призванные учителя разных толков, объединяясь лишь в отрицании, проповедают с ревностью, доходящею до фанатизма и до глумления над всяким возражением, туманное, не приведенное в систему, но повелительное применение к жизни начал, произвольно извлеченных и произвольно истолкованных из Евангелия, но вместе с тем отрицают Евангелие во всей его целостности и отрицают вместе с Церковью главу Церкви — Иисуса Христа — Богочеловека. Они называют это свое христианство истинным, а то, которое сначала проповедовалось Церковью, — ложным.

В отрицании людям всего легче объединиться, их влечет к этому общий дух недовольства и смутного стремления к лучшему. Всякий, сосредоточась на своем *я*, всегда себялюбивом, самочинном, исключительном, отрешаясь в духе от мира своих собратий, приходит к отрицанию. Возмущаясь против неправды и зла в человеческих отношениях, забывает притом о своей неправде, ищет водворения правды в человечестве и забывает притом, что всякий человек раздвоен в себе — хочет, чего не делает, и делает, чего не хочет, и что жизнь человечества совершается тысячами и миллионами годов и впадает в вечность; что тем же ходом идет в человечестве прерывистая и мучительная эволюция правды, коей вечные законы, от века начертанные, от века нарушаются и подвергаются поруганию. Хранительницей этих законов, говорят они, поставила себя Церковь; она не умела водворить их в действительности; здание ее обветшало, дело ее преисполнено мертвых формальностей, суеверий, обманов

и злоупотреблений. Надо разрушить это здание, и новый закон любви и правды объявить человечеству: разрушим Церковь. Самый легкий способ усовершенствования учреждений, по мнению новаторов, есть разрушение существующих. С этого начинают и неохристиане, но на месте разрушенного учреждения не в силах они построить новое; ставя закон своего изобретения, ничего не хотят и не умеют создать для хранения и возможного в природе человеческой осуществления закона, как будто сам закон должен самостоятельно действовать и сам собою объединить человечество для новой жизни.

Прежде, чем отрицать Церковь и ее верования, надобно знать ее. А для того чтобы знать ее, мало изучить внешним образом догматы ее, учреждения и обычаи. Церковь есть живой организм, совокупность верующих душ; и для того чтобы познать Церковь, надо войти в душу народа, который составляет Церковь, надо жить одной жизнью с народом, как с равными братьями, не ставя себя выше народа, не относясь к нему с одним отрицанием, как к толпе невежественной и дикой. Но к этому не способны самочинные пророки неохристианства, и потому, когда они обличают пороки и зло, и ложь в жизни церковной, в этих обличениях нет любви, а слышатся только гордость самодовлеющей мысли и злоба раздражения; нет того пламенного стремления к исправлению и усовершенствованию, той горячей надежды на победу любви и правды, что слышится в речах Христа, а обличения, исполненные гордого духа, приводят лишь к голому отрицанию.

Откуда все это? Невольно думается, что идеалом нынешнего века, конечным пунктом прогресса в человечестве становится теперь самодовлеющее *я*, стремящееся в человеческом образе возвыситься над человечеством и самому быть законом. Таковы, по-видимому, идеалы новейших философских учений, таковы герои излюбленных романов, драм и поэм в новейшей литературе. Идеальным представляется человек, кто сам себя ставит конечной целью своих действий и на других людей смотрит как на орудие для своего возвеличивания. Быть самим собою, слушать только свою волю и свое хотение, ничего и никого не признавать над собою, сверх себя — таков идеал человека, стремящегося быть сверхчеловеком. Под эту мысль, в сущности чудовищно нелепую, иные подкладывают в основание другую мысль: всего этого должен достигнуть человек посреди общества для того, чтобы, овладев им, подчинить его себе для его же блага и водворить в нем царство любви и братства. Но такого основания никакая философия признать не может. Что исходит из эгоизма и на эгоизме осно-

вано, в том не может быть никаких зачатков любви и преданности, и тот, кто сознательно заключил себя в своем *я*, не может сбросить его с себя и освободиться.

Правда, для деятельности, посвященной общественному благу, потребны не бездушные, равнодушные и бесхарактерные люди, но лица с характером и совестью, и такое лицо всякий, желающий служить обществу, должен воспитать в себе. Но и личность в нравственном смысле может образоваться и достигнуть развития не иначе как через сношение человека с подобными себе, так только человек может выработать в себе достоинство. Но когда человек начинает с того, что, чуждаясь общества, посреди коего живет, подвергает его презрению для того, чтобы в отчуждении воспитать в себе свое гордое, причудливое *я* и затем присвоить себе миссию разорить это общество вконец и на месте его создать новое по своему плану — в этом нет никакой мудрости, а одно лишь безумие.

Тем не менее в наши дни это безумие возводится в идеал, художественно изображаемый мыслителями и поэтами. А за ними, не рассуждая, увлекаемая талантом, стремится стадным движением толпа, восхищаясь героями и героинями идеализированного эгоизма. Один за другим появляются самозванные пророки безумной автономии мышления и действия, пророки социальной реформы, пророки анархии и злодейства, пророки новых верований, отрицающие религию. А когда берется за это художник мышления и слова, он привлекает к себе толпу поклонников. Многие увлечения, при внутренней несостоятельности учения доходящие нередко до энтузиазма, объясняются силой художественной его конструкции. Когда идея, какая бы ни была, овладевает гениальным художником мышления и слова, он может приложить к ее развитию всю силу своего таланта и воздвигнуть на ней здание, поражающее красотой и стройностью логических выводов из мысли, в существе своем ложной. Но к распознаванию этой основной лжи не способна толпа, увлеченная своим восторгом. А творец-художник, увлекаясь и своим созданием, и восторгами своих поклонников, сам входит мало-помалу в роль пророка, призванного обновить человечество новой идеей и рассылать во все концы восторженных ее проповедников — учеников своих.

Наше время изобилует учениями, основанными на началах крайнего материализма, отрицающего духовную силу в жизни человечества. Разделяясь на множество отдельных систем и толков под разными названиями (позитивизм, натурализм, агностицизм, утилитаризм, крайний социализм, анархизм и пр [очее]), эти учения,

сложившись в научно-художественное построение, расплодившись в обширной литературе, приобрели себе множество восторженных поклонников, располагают бесконечными средствами пропаганды посредством печатного и устного слова и мало-помалу овладевают умами возрастающего поколения. Так создается почва для неверия, для легкомысленной критики Церкви и легкомысленного от нее отчуждения.

Но, отойдя от своей Церкви, в коей родились, люди не могут отрешиться от многих ощущений и впечатлений своего общества, порожденных и воспитанных веками христианского учения. Опыт доказывает, что где засохли корни веры, там еще остаются корни суеверия, повсюду нередко смешанного с неглубоко сидящею верою. Остается какое-то ощущение духа в жизни, какой-то страх перед чертою, отделяющею дух от материи. Отсюда замечаемое повсюду в наш век, подобно тому, что происходило в веке разложения римско-языческой культуры, искание какой-нибудь веры: с одной стороны, размножение суеверий, иногда диких и чудовищных, создающих себе особенный культ; с другой — стремление найти ответ на запросы духа в магометанстве и буддизме; наконец, стремление создать новую религию на рациональных началах, вложив в нее по внушению фантазии нравственные правила, взятые из Евангелия, религию любви под названием очищенного Христианства. Отрицаясь от Церкви, разрушая всякую ограду церковной веры и церковного единения, апостолы этих учений хотят вместо Церкви создать какое-то расплывающееся в любви всемирное братство мнимых последователей Христа — без веры во Христа. Осудив Церковь, не сумевшую в течение веков осуществить царство Божие на Земле, сами они мечтают достигнуть этого своим учением, водворив любовь, общее довольство, равенство без порока и преступления: вот, проповедуют они, истинная цель нашего учения — осуществление на Земле царства любви и мира.

Напрасная мечта, напрасная смута умов и сердец человеческих. Религия не может быть без веры, а это новое мнимое Христианство в кого и во что верует и на чем, кроме бедного слова человеческого, утверждает и свои заповеди, и свое мечтательное чаяние царства любви и правды на земле? Это учение ходит по земле и не имеет того, чем живет Церковь Христова, — стремления к небу. В Церкви это стремление не праздно и не мечтательно, потому что имеет живую цель, живой образ Христа Спасителя — Богочеловека.

Вера не может держаться на одном учении, как бы ни было оно чисто и возвышенно, не может держаться и на одном собрании догма-

тов. Могут они проповедовать жизнь, но жизни в них еще нет. Жизнь Христианской Церкви — в лице Христа, Богочеловека, в коем вечно идеальное существо Божества воплотилось и явилось человеку. Он, явившись, овладел всей душой человека и явил ему Отца Небесного. Христианство без Христа быть не может, а завет Христа не в том состоит, чтобы водворить на земле царство от мира сего, царство всеобщего довольства, благополучия и мира: Царство Его не от мира сего. В существе бытия по закону Его поставлена радость, но не счастье, не покой, не материальное благосостояние, а с радостью духа и со служением ближнему — жертва, поношение ига Христова, крест, блаженство нищих духом и плачущих, освобождение от греха и жизнь вечная. Кто хочет изъять все это из христианства, тот уничтожает его в самом корне и льстивое мечтание гордой мысли воздвигает на место вечной правды Христовой.

